

В любом нормативном правовом акте закрепляется право в чистом виде, хотя и учитывается влияние на него всей системы иных социальных норм. Однако на стадии его реализации подключается весь комплекс социальных норм, сопровождающих данное сообщество людей, проявляющийся в деятельности каждого человека. Наиболее наглядно данное явление присуще локальному правовому регулированию, поскольку в нем в наибольшей мере происходит сочетание ментальных и социальных параметров легитимации.

1. Малько А.В., Пестова Т.П. Локальные правовые акты как средство реализации локальной правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3.
2. Кириленко И.С. Локальное правотворчество в современных условиях правового регулирования: вопросы теории и практики // Современное право. 2014. № 3.
3. Кузакбирдиев С.С., Кузнецова М.А. Локальные нормы права и их иерархическая система // Право и государство: теория и практика. 2015. № 9.
4. Румянцев М.Б. Локальное правотворчество: особенности формирования и виды // Законы России. 2017. № 1.
5. Правовые модели и реальность / отв. ред.: Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2016.
6. Тихомиров Ю.А. Нормативное регулирование: взлет или кризис? // Журн. рос. права. 2006. № 4.
7. Бибило В.Н. Проблемы правоправедения : избр. тр. Минск, 2011.
8. Мартинович И.И. Избранные труды. Минск, 2016.
9. Белорусское законодательство о суде, прокуратуре, адвокатуре и органах охраны общественного порядка (1919–1991) / сост. В.Н. Бибило. Минск, 2011.

УДК 340.12

А.Ф. Вишневский, доктор исторических наук, профессор права, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОБОСНОВАНИИ ИНТЕГРАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА

Право настолько уникальный, сложный и общественно необходимый феномен, что на протяжении всего времени его существования научный интерес к нему не только не исчезает, но и, наоборот, возрастает. Вопросы правопонимания принадлежат к числу вечных уже потому, что человек на каждом из витков своего индивидуального и общественного развития открывает в праве новые качества, новые аспекты соотношения

его с другими явлениями и сферами жизнедеятельности социума. Именно поэтому неслучайно, что в мире существует множество научных идей, течений и точек зрения по вопросу: что есть право?

Ирония И. Канта по поводу того, что право существует тысячи лет, а юристы до сих пор не могут договориться, что такое право, актуальна и сегодня. Это относится не только к отечественной теоретической науке, но и к западной юриспруденции. «Было, – писал британский юрист Д. Уолкер, – сделано много попыток словесного определения (права. – А. В.), но, возможно, ни одна из них не является удовлетворительной и не получила всеобщего признания» [1, с. 716]. Плюралистичность правопонимания едва ли может рассматриваться как историческая случайность. В научной литературе достаточно обоснованно выдвигаются две группы факторов, обуславливающих многозначность трактовок права, – социальные и гносеологические. К первой группе следует относить обстоятельства, коренящиеся в социальной неоднородности общества. Каждая из социальных групп, слоев, страт в лице как индивидуальных, так и коллективных представителей «предпочитает считать правом... прежде всего тот феномен... который способствует, а не препятствует удовлетворению ее потребностей и интересов» [2, с. 16]. Вторая группа факторов связана с методологическими позициями исследователей, на которых они стоят, на оценке ими уже сложившихся правовых концепций. В результате каждый ученый, выражая интересы той или иной социальной группы, те или другие идеологические, политические, религиозные пристрастия, исследует и обосновывает «то, что ему хочется, и называет это правом. А потом начинается спор: „это право, а это не право“» [3, с. 14].

При рассмотрении названной проблемы мы будем исходить не только из теоретической, но и из практической ее значимости. Ведь философствовать по поводу понятия права можно весьма заинтересованно, глубоко и бесконечно, но едва ли результативно, если не определиться в главном: почему и каким образом посредством права на каждом историческом этапе развития государственно-организованного общества обеспечиваются законность и правопорядок.

Итак, анализ всего обилия правопониманий, наиболее широко представленных в современной отечественной и зарубежной научной правовой литературе, дает возможность утверждать, что оно в своей базовой конструкции может укладываться в четыре их основных типа: юридический нормативизм, социологический позитивизм, теорию естественного права, либертарно-юридическую концепцию права (философскую его трактовку) [4–6; 7, с. 13].

Юридический нормативизм (как в первоначальной позитивистской, так и в современной диалектико-материалистической его трактовке)

рассматривает право как совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных государством.

Социологический позитивизм не ограничивается трактовкой права как совокупности юридических норм, характеризуя последние как «мертвое право», а относит к нему и реальные социальные отношения, имеющие юридическое значение (правовые отношения, решения судебных и административных органов) – «живое право».

Согласно теории естественного права последнее не определяется волей государства, его правотворческой деятельностью, а проистекает из высшего разума или из самой природы гражданского общества и человеческой сущности. При этом за человеком признаются врожденные и неотъемлемые права, существующие независимо от государства и предшествующие ему. Государство лишь призвано их правильно воспринимать, формулировать и обеспечивать. Другими словами, нормы и принципы естественного права не зависят от воли государства, но обязательны для него.

Либертарно-юридическое, или философское, понимание права заключается в том, что оно (право) определяет пределы, в которых человек может действовать свободно («право есть формальная свобода индивида»). Типы права – «это основные исторические формы признания и организации свободы людей, выражающие этапы прогресса свободы» [8, с. 242].

Нетрудно заметить, что первые два подхода (юридический и социологический) придают праву вполне реальное содержание (правовые нормы и отношения), т. е. признают право таким, каким оно существует в действительности. Последние же два подхода носят абстрактный, сугубо теоретический характер, т. е. «исходят из того, каким право должно быть» [7, с. 13].

Однако в какой бы степени мы ни заостряли отмеченные методологические различия между указанными подходами к пониманию права, в каждом из них присутствует оценка нормативности его содержания. Это и позволило нам в одной из публикаций отметить несостоятельность противопоставления позитивистских и философских подходов к правопониманию и показать их соотносимость как содержания и формы, сущности и явления в праве [9, с. 9–18].

Как следствие устремленности ряда правоведов к сближению отмеченных позиций в трактовке права в середине прошлого века возникло еще одно направление в определении его содержания, которое принято называть интегративным.

Полагаем, что на поиск последнего существенное влияние оказал процесс глобализации, который активизировал социальные и гносеоло-

гические факторы, обуславливающие многозначность подходов к правопониманию. В юридической литературе по этому поводу верно отмечается, что глобализация как явление, будучи универсальным по своей природе феноменом, охватывает собой не только сферу финансов, мировую экономику, средства массовой информации, но и другие стороны государственной и общественной жизни, включая право. В частности, с объективной необходимостью она оказывает существенное влияние на трансформацию и модернизацию государственно-правовых институтов, норм и отношений «на всемирном, макрорегиональном и внутригосударственном уровнях, стимулирует, ускоряет и обновляет процессы универсализации в области права, организации и функционирования государства» [10, с. 38]. Наиболее зримо тенденция универсализации и унификации права проявляется на глобальном и региональном уровнях в таких сферах правового регулирования, как торговля, бизнес, финансы и т. д.

По-видимому, неслучайно «интегративная юриспруденция» как особое направление в правоведении стала настойчиво заявлять о себе с завершением образования в 1957 г. Европейского сообщества, в котором были представлены 12 стран (Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Федеративная Республика Германии и Франция). В сообществе на рассмотрение выносятся различные вопросы развития Европейского континента – от продвижения к новому этапу экономической, валютной и политической интеграции (в рамках создания единого внутреннего рынка) до охраны окружающей среды и соблюдения прав человека. Проблемы интеграции проходили в едином русле с ведущими государствами, входившими в англосаксонскую (англо-американскую) правовую семью. Как следствие, интернационализация экономических и политических процессов имела своим результатом активизацию взаимодействия правовых систем различных стран, более быстрое преодоление их былой самоизоляции.

Основателем интегративного типа правопонимания является американский теоретик права Дж. Холл, опубликовавший в 1958 г. работу «Исследования по юриспруденции и криминальной теории». Ему же наука обязана и термином «интегративная юриспруденция». В русле последней укладывается позиция современного французского теоретика права Ж.Л. Бержеля, во всяком случае в плане использования метода интеграции: «право как таковое является одновременно продуктом событий социального порядка и проявлений воли человека, явлением материальным и совокупностью моральных и общественных ценностей, идеалом и реальностью, явлением исторического плана и

нормативного порядка, комплексом внутренних волевых актов и актов подчинения внешнему, актов свободы и актов принуждения» [11, с. 36]. Интегративное восприятие понимания права характерно и для Г.Дж. Бермана: «В своем определении и исследовании права социальная теория права должна делать упор на взаимодействие духа и материи, идей и опыта. Она должна свести воедино все три традиционные школы юриспруденции – политическую школу (позитивизм), этическую школу (теория естественного права) и историческую (историческая юриспруденция) – и создать интегрированную, единую юриспруденцию» [12, с. 57].

Интегративный подход ориентирован на общее определение права, вырабатываемое, по сути дела, путем соединения принципов юридического и социологического позитивизма, а также естественного права. «Право как нормативно-регулятивная система, – полагает Г.В. Мальцев, – есть совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения» [4, с. 7].

Еще более определенно право характеризуется С.Г. Дробязко «в трех плоскостях»: в правосознании, нормативном массиве (законодательстве), правоотношениях. При этом ученый различает статичную (правовые нормы, или «право в книгах») и динамичную (правосознание и правоотношения) стороны права [13, с. 27–28]. Исходя из того что в праве должно интегрироваться все наиболее ценное, присущее как самому праву, так и другим социальным регуляторам (нравственность, религия, обычаи и т. д.), автор определяет право как «верховенствующий, общесоциальный, интегративный, охраняемый государством регулятор, выражающий политическую справедливость в системе норм, определяющих круг субъектов права, их юридические права, обязанности и гарантии с целью обеспечения социального прогресса» [13, с. 29].

Интегративное правопонимание права находит определенную поддержку в национальной юриспруденции. Так, Г.А. Василевич отмечает, что триединая (интегративная) трактовка права «позволяет полностью охватить природу права, а значит, является основой для его правильного определения» [14, с. 132].

Необходимость интегрированного подхода к пониманию права весьма оригинально обосновывает В.А. Витушко, связывая его со спецификой мышления индивидов. «С методологической точки зрения, – подчеркивает ученый, – понятие права должно быть синтетическим, комплексным, поскольку само мышление людей... объективно носит синтетический, комплексный характер... Понятие права должно со-

держат общие признаки, имеющиеся у естественно-правового, социологического и позитивистского подхода» [15, с. 50–51].

А.В. Поляков полагает, что проблему противостояния позитивистских и непозитивистских типов понимания права можно разрешить в рамках третьей теории – интегральной, которая снимет противоречия между ними, примирит их между собой [16, с. 10]. При этом интегральность он понимает не как «смешение разных признаков права, признаваемых теми или иными теоретиками, а определение позиции, с которой эти разные признаки оказываются элементами целостного правопонимания» [17, с. 42].

Признание ценности положений разных правовых школ, разных подходов к пониманию права теоретической юридической наукой позволило В.В. Лазареву предложить следующее интегративное определение права: «право – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспечиваемых официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных воль в их взаимоотношении друг с другом» [18, с. 111].

Можно привести еще ряд аналогичных определений или сформулировать свою собственную дефиницию интегративного правопонимания. Однако главное усматривается в том, что при интегративном подходе к пониманию права в его определение включаются прежде всего правовые нормы, правовые отношения и правовое сознание.

В связи с тем что правовая картина мира складывается из разных правовых семей с входящими в них разными правовыми системами, охватывающими, в свою очередь, разные национальные системы права, с активизацией процессов глобализации тенденция к интеграции права усиливается. «Современная глобализация (включая и юридическую глобализацию как ее важнейшую составную часть), – подчеркивает В.С. Нерсисянц, – при всех особенностях ее содержания, специфических свойствах, характеристиках и т. д. – представляет собой определенную новую ступень в дальнейшей универсализации всемирной истории человечества и земной цивилизации» [10, с. 38–39]. Можно согласиться, а можно и не согласиться с такой постановкой вопроса, но ясно одно – глобализация воздействует на право не столько как на объективно существующее явление, сколько на его теорию и соответствующую методологию. Вследствие этого исследователи не без основания полагают, что под влиянием процесса глобализации будут видоизменяться старые правовые теории и возникать новые правовые модели, в основу которых будут заложены новая правовая культура, идеология, а также новая методология познания окружающей человека правовой среды [19, с. 267].

Понятно, что концепции правопонимания создаются не на пустом месте, не в отрыве от правового регулирования, но каждая из них ставит во главу угла один-два феномена, участвующих в этом регулировании. В связи с этим, о чем мы указывали выше, в зависимости от того, в чем усматривалась основа (базовый элемент) права – в естественных неотъемлемых правах человека, в норме права, в правоотношениях или в философски трактуемой свободе, и сформировались естественно-правовая, нормативистская, социологическая и либертарно-юридическая теории правопонимания. Что же касается интегративного (компромиссного) подхода к пониманию права, то в нем сделана попытка объединить элементы, являющиеся базовыми в различных концепциях права: правовые нормы, правовые отношения, правосознание.

Как видим, стремясь к пересмотру основных принципов и категорий юридической науки, представители неклассической интерпретации права в поиске выработки интегративного правопонимания включают в него элементы различных трактовок права, лишая их при этом изначально заложенного в них смысла. На эту сторону проблемы обратила особое внимание Н.В. Варламова [20, с. 239].

Таким образом, при интегративном подходе к пониманию права в его понятии объединяются существенно различные элементы механизма правового регулирования, исполняющие в нем самостоятельные роли – от собственно регулятивных до исполнительных, и даже идеологических. Ведь при таком подходе в определение права включаются и нормативные акты, и акты применения правовых норм, и правовые отношения, и даже правосознание, т. е. представления о том, какими должны быть правовые нормы, как они должны реализовываться. Следовательно, при всей соблазнительности интегративной трактовки права она весьма уязвима с научной и, прежде всего, логической точки зрения. И, что, пожалуй, самое главное, она едва ли осуществима на практике, поскольку правореализующие субъекты ставятся в весьма трудное положение: чем же на самом деле руководствоваться – четко сформулированной правовой нормой или же субъективным представлением о ней, идеей, не получившей, по их представлениям, должного нормативного выражения?

Не поэтому ли на современном этапе развития государственного организованного общества интегративный подход к определению права не получил широкого признания. «Мысль, – пишет О.В. Мартышин, – сочетать в одном определении законы, правосознание и правоотношения соблазнительна, но едва ли реализуема из-за напряжения и противоречий, возникающих между ними и лишаящих систему стройности» [7, с. 16]. В самом деле, если исходить из отмеченной выше и общепри-

знанной нормативной значимости права, то возникает весьма принципиальный вопрос: как же можно относить к праву правосознание (т. е. отношение к праву) и правоотношения, играющие в механизме правового регулирования совершенно особые, специфические роли?

В правовой науке уже сформировалось широко признанное и достаточно устойчивое представление о правовом сознании как об одной из форм человеческого сознания, явлении идеальном и весьма многообразном [21, с. 108–114]. По своей структуре правосознание включает в себя правовую идеологию, правовую психологию и правовую мораль.

Правовая идеология представляет собой систематизированное научное выражение правовых идей, теорий, представлений о праве и его развитии. Правовая психология включает в себя различного рода чувства, эмоциональные оценки, настроения, переживания по поводу функционирования права, справедливого или несправедливого его содержания и применения и т. д. Правовая мораль – представления людей о действующем праве, его реализации и развитии с точки зрения их моральных убеждений, которые весьма разнообразны и изменчивы. В правовом сознании находят свое проявление и правовой нигилизм, и правовой идеализм [22, с. 146–151].

Допустимо ли при таком научном понимании правосознания рассматривать его в качестве структурного элемента права, обладающего общерегулятивным, общеобязательным характером? Представляется, что в этой связи было бы нелишним вспомнить высказывание известного религиозного философа И.А. Ильина о том, что «нет человека без правосознания, но есть множество людей с пренебрежительным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием. Правосознание как духовный орган, необходимый человеку, участвует так или иначе во всей его жизни, даже и тогда, когда человек совершает преступления, притесняет соседей, предает свою родину и т. д.» [23, с. 224]. А если это так, то разве допустимо относить правосознание к праву, которое, по признанию сторонников его интегративной трактовки, и является верховенствующим, общесоциальным, охраняемым государством нормативным регулятором общественных отношений?

Только в эпоху серьезных общественных потрясений (например, революция 1917 г. в России), когда старые нормативные акты отменяются, а новые еще не приняты, право стало связываться не с законодательством, а с правовым сознанием. Первые декреты Советского государства расценивались, скорее, как пропаганда, своего рода популизм, призывы к массам. Местные суды, сказано в Декрете СНК «О суде» (1917 г.), руководствуются старыми законами «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революци-

онной совести и революционному правосознанию» [24, с. 16]. Д.И. Курский, восхваляя работу революционных судов как нового источника правотворчества, особо выделял то обстоятельство, что «в своей основной деятельности – уголовной репрессии – народный суд абсолютно свободен и руководствуется, прежде всего, своим правосознанием» [25, с. 642].

По мере того, как революционная эйфория уступала место какой-то стабильности, появлялась потребность в обосновании необходимости принятия стабильных нормативных актов, кодификации нормативного массива.

Не меньше сомнений вызывает отнесение к праву правовых отношений. Среди разнообразных определений правоотношений наибольшее признание получило то, в котором оно характеризуется как социальное значимое взаимодействие конкретных (персонально определенных) субъектов права, обладающих взаимными субъективными, т. е. личными, совершенно конкретными правами и обязанностями, возникающими в результате определенных юридических фактов в пределах статутных прав и обязанностей, предусмотренных правовыми нормами [26, с. 85]. Если в праве, правовых нормах выражается государственная воля, воля законодателя, то в правоотношениях она в разных пропорциях сочетается с волей конкретных субъектов правовых отношений, в силу чего последние не обладают праворегулятивным (нормативным) характером.

Значительное место среди правовых отношений занимают правоохранительные отношения, возникающие также на основании правовых норм и юридических фактов, но по воле властвующих правоприменительных органов. Как и обычные правоотношения, отношения правоприменительного характера обладают персонально волевыми признаками, могут быть даже противоправными, т. е. не обладают нормативными, общерегулятивными свойствами. Любые попытки придать им общеобязательный характер, в том числе значимость прецедента, чреватые нарушением законности.

В последнее время заметное распространение получают правоотношения, среди которых встречаются и правоприменительные, по сути своей характеризующиеся как злоупотребление правом. «Злоупотребление правом, – подчеркивает Г.А. Василевич, – нельзя рассматривать как правомерное поведение. Это разновидность неправомерного поведения... Особенностью такого неправомерного поведения является то, что за него может быть установлена ответственность либо она может отсутствовать в традиционном ее понимании, но в связи со злоупотреблением субъективным правом, которое нет оснований рассматри-

вать как правонарушение, лицо может лишиться установленных законом гарантий» [27, с. 253]. Природу и истоки злоупотребления правом весьма точно показал А.В. Волков, который справедливо отмечает, что там, где начинается злоупотребление правом, право заканчивается [28, с. 44]. Неслучайно А.А. Малиновский определяет злоупотребление правом как форму «реализации права в противоречии с его назначением, посредством которой субъект причиняет вред другим участникам общественных отношений» [29, с. 27]. Так неужели правоотношения, которые характеризуются как злоупотребление правом, согласно логике сторонников интегративной концепции правопонимания, относятся к праву, а не к отклонениям от него?

Наиболее определенно на этот вопрос отвечают представители отраслевых юридических наук. Так, В.П. Мозолин считает, что трактовка права не должна беспредельно расширяться за счет философских представлений и юридических ненормативных категорий. Он полагает, что «определение понятия права возможно исключительно в рамках юридического позитивизма» [30, с. 19].

Не менее определенная позиция получает свое выражение и в общей теории права. О.В. Мартышин отмечает, что нормативистское понимание права является наиболее распространенным. Он пишет: «Пренебрежительное отношение к нормативистскому определению, утверждения, что это „непритязательное определение прикладного типа“, что „его историческое время прошло“, беспочвенны. Достоинство любого определения как раз в точности и „приложимости“, которыми нормативистская формула бесспорно обладает, а не в притязаниях на глубокомыслие» [7, с. 18]. И для Республики Беларусь, как государства романо-германской правовой семьи, где закон и соответствующие ему нормативные правовые акты утвердились в качестве доминирующей формы права, нормативистская трактовка права относится к важнейшему признаку его определения. Именно нормативному праву как действующему законодательству обучают будущих юристов. Именно таким правом должны руководствоваться судьи, прокуроры, следователи, адвокаты, должностные лица и граждане.

Однако значит ли это, что нормативистская (позитивистская) трактовка права в чем-то противоречит требованиям естественного права и философского его понимания? По сути дела нет. Ведь требования социальной справедливости и обеспечения достигнутого уровня социальной свободы по мере достижения соответствующего уровня их объективной обусловленности так или иначе реализуются в постоянно развивающемся законодательстве. Но как нет ничего абсолютно совершенного, так и не бывает абсолютно безупречного законодательств-

ва. Именно поэтому к эксцессам как естественного права, так и его философской трактовки относятся допущения (даже требования) неисполнения законов, которые в некоторых представлениях не соответствуют всеобщей и всевременной справедливости или достигнутому уровню социальной свободы.

На самом же деле механизм достижения соотносимости идеалов естественного и философски трактуемого права с реально существующим законодательным его выражением (позитивным правом) достаточно известен и постоянно совершенствуется. Он включает в себя изменения и дополнения действующего законодательства, толкование норм права, нормативное закрепление демократических и гуманистических принципов правоприменения и др. Многие положения естественного права и его философской трактовки как правовой идеологии (части правосознания) благодаря поддержке общественного мнения и в результате упорной политической борьбы получают официальное признание, превращаются в правовые (позитивные) нормы. А толкование правовых норм, особенно в случаях определения их конституционности общими судами и Конституционным Судом, обычно не обходится без обращения к естественно-правовым и философским правовым идеалам.

При внимательном и беспристрастном рассмотрении интегративной концепции правопонимания обнаруживаются не только недооценка ею концептуальных достижений юриспруденции, определившихся к XXI в. в сфере механизма правового регулирования общественных отношений, но и коренящиеся в ней противоречия, препятствующие ее использованию в правотворческом процессе. В качестве примера позволим себе привести неудавшуюся попытку принять закон «О правовых актах Республики Беларусь».

Разработка данного законопроекта и внесение его на рассмотрение в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь было запланировано на ноябрь 2011 г. Предполагалось, что новый закон заменит принятый еще в 2000 г. Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». Однако решение этой задачи оказалось труднореализуемым, поскольку в каждой статье нового законопроекта приходилось одновременно характеризовать признаки как нормативного, так и правоприменительного правового акта. Но если первый распространяется на персонально неопределенный круг субъектов права и на все случаи одного рода (т. е. относится к позитивному праву), то второй относится к совершенно конкретным субъектам и столь же конкретным обстоятельствам, т. е. общерегулятивными (нормативными) признаками не обладает.

В такой ситуации становились понятными преимущества действующего Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», который целиком и полностью сосредоточен на правовом регулировании существующих общественных отношений и является нормативной основой правоприменительной деятельности. Последняя столь многообразна и специфична, что может успешно регламентироваться и ведомственными нормативными правовыми актами.

Правда, со времени принятия названного закона прошло более 15 лет. Совершенно естественно, что в нем, возможно, не учтены в должной мере некоторые нормотворческие новеллы, обнаруживаются правовые пробелы, требующие уточнения положения. Соответствующие коррективы, естественно, должны и, видимо, будут осуществляться, но на основе сохраняющейся его нормативной сути.

В ходе обсуждения законопроекта «О правовых актах Республики Беларусь» наряду с целым рядом существенных оценок, замечаний, предложений высказывалось и мнение о нецелесообразности закрепления в действующем законодательстве самого понятия права. Это мнение обосновывалось главным образом тем, что в правовой науке еще не сложилось такое общепринятое понятие. Однако, судя по непрекращающимся в этом отношении спорам, чрезвычайно расходящимся по этому поводу мнениям, единое научное определение права едва ли в скором времени будет выработано. На сей счет можно и, видимо, полезно теоретизировать, рассуждать, но практикующим юристам и обучающимся правведению следует совершенно определенно знать, чем необходимо руководствоваться в первую очередь, чтобы обеспечить в государстве законность и правопорядок.

И такое определение права в действующем законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» содержится. Оно может быть уточнено, дополнено демократическими и гуманистическими положениями естественно-правовой и других философских правовых концепций, но при сохранении, по всей видимости, своей нормативной значимости.

Таким образом, каждая из концепций правопонимания обосновывает такие свойства права, которые, с точки зрения их представителей, приближают его к идеальному феномену, однако до настоящего времени ни одной из них не удается объединить все достижения в понимании права, а следовательно, и выработать общепризнанное его понятие.

Определенная односторонность существующих подходов уходит в историю, поэтому в прошлом веке выдвинули идею интегративного подхода к пониманию права, где бы нашли отражение такие его свойства, как эквивалент справедливости и мера свободы человека, механизм

поддержания законности и правопорядка и средство обеспечения динамики социальной жизни в государственно организованном обществе. Удалось ли приверженцам интегративного подхода разрешить эти задачи, мы и попытались рассмотреть.

Думается, что современная правовая мысль еще не в состоянии адекватно отразить право в целом и, соответственно, использовать правовой инструментарий во всех проявлениях, потому что она недостаточно полно учитывает тот факт, что оно (право) изменяется вместе с человеком, его бытием, обществом, государством. Следовательно, теоретики права, судя по всему, обречены на бесконечный поиск его определения, побуждаемые к этому практической необходимостью построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и полных знаний о его сущности и предмете правового регулирования.

Следует согласиться с Г.В. Мальцевым, что бесконечный поиск понятия права определяется и тем, что исследователи ощущают постоянную неудовлетворенность, с одной стороны, достигнутым уровнем юридических знаний, желанием его усовершенствовать, а с другой – возрастанием вместе с опытом понимания относительности результатов, добываемых юридической мыслью, ограниченного и преходящего характера выводов, в «истинность» которых люди уже успели поверить [31, с. 30].

Несомненно одно: понимание права будет все более приближено к его сущности, если гуманитарные ценности права интегрируются (объединятся, синтезируются) с его техническими, рациональными свойствами. Именно это мы имеем в виду, указывая на возможность и даже необходимость внесения коррективов, дополнений в определение права, изложенного в ст. 1 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», например закрепление достигнутого уровня социальной свободы и все более обеспечиваемой справедливости во всех сферах ее проявления (экономической, социальной и др.). Однако понятие права не должно подменяться положениями об абстрактной нравственной, политической или общесоциальной справедливости, ибо это может привести к произвольной трактовке действующих в государстве нормативных правовых актов, в том числе в оценке их как «правовых» или «неправовых» со всеми вытекающими последствиями.

1. Walker D.M. The Oxford Companion to Law. Oxford, 1980.
2. Рабинович П.М. Предисловие // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013.
3. Толстик В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9.
4. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

5. Лейст О.Э. Три концепции права // Государство и право. 1991. № 2.
6. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.
7. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6.
8. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2000.
9. Вишневский А.Ф., Кучинский В.А. Право и законодательство в неразрывном единстве // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Минск, 2012. Вып. 7.
10. Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5.
11. Бертель Ж.Л. Общая теория права : пер. с фр. / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000.
12. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М., 1998.
13. Дробязко С.Г. Современное правопонимание и его аспекты // Право и современность : сб. науч. тр. Минск, 1998.
14. Василевич Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник. Минск, 2003.
15. Витушко В.А. Основы теории юридических понятий. Минск, 2014.
16. Поляков А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе (к 70-летию профессора В.Г. Графского). М., 2008.
17. Поляков А.В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Рос. ежегодник теории права. 2008. Вып. 1. СПб., 2009.
18. Теория права и государства : учебник / под общ. ред. В.В. Лазарева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2001.
19. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2013.
20. Варламова Н.В. Методологические проблемы современной юридической науки // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию А.В. Полякова : коллектив. моногр. : в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова. СПб., 2014.
21. Горбатов Н.А. Правосознание как фактор формирования правового государства // Проблемы формирования правового государства в Беларуси : сб. науч. тр. Минск, 1994.
22. Юрашевич Н.М. Повышение уровня правосознания общества как основа построения правового государства в Республике Беларусь // Верховенство права – основа правового государства. Минск, 2001.
23. Ильин И.А. Философия права. Нравственная философия // Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1993.
24. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.) / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953.
25. История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.

26. Кучинский В.А. Современное учение о правовых отношениях. Минск, 2008.

27. Правоприменение: теоретические и практические проблемы / В.И. Берестень [и др.] ; под ред. В.А. Кучинского. Минск, 2014.

28. Волков А.В. Теория концепции «злоупотребления гражданскими правами». Волгоград, 2007.

29. Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М., 2002.

30. Мозолин В.П. Система российского права // Тр. Моск. гос. юрид. акад. 2002. № 9.

31. Мальцев Г.В. Познание права: от юридического позитивизма к новому пониманию права // Теория права и государства : учебник / под ред. Г.Н. Манонова. М., 1996.

УДК 340.12

*Л.И. Глухарева, доктор юридических наук,
доцент, заведующая кафедрой междуна-
родного права юридического факультета
Института экономики, управления и права
Российского государственного гуманитар-
ного университета*

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ЗНАЧЕНИЕ ЭСТЕТИКО-ПРАВОВОГО МЕТОДА

В системе методологии юриспруденции эстетико-правовой метод не пользуется должным вниманием, поскольку распространено мнение, что эстетическая оценка права и его элементов является лишней и избыточной для решения основных юридических задач [1, с. 59; 2, с. 12]. К сожалению, и сама эстетика на современном этапе утратила былую миссию высшего нормативно-оценочного критерия, соразмерного в своей сущности культуре человечества. Интересы людей все больше приобретают потребительский и материально-экономический характер, мало сопряжены с духовностью, почему и абсолютные величины эстетического совершенства, красота, гармония и т. д. уступают место в постклассическом знании производным и второстепенным, «маргинальным» (по выражению философа и филолога М.И. Михайлова) понятиям интенсивности, новизны, иронии, деконструкции, нониерархичности, симулякра, интертекстуальности, мозаичности, ризоме, телесности, парадоксальности, нарратологии и т. п. [3, с. 5].

Тем не менее в праве многосторонне востребованы аксиологические (ценностно-оценочные) решения, ожидающие от юристов, напри-